

Анатолий Словцов

ВАС ТОЖЕ БЕСИТ?

Fiction

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С48

Дизайн обложки, иллюстрации Марии Кустовской

Словцов А.
С48 Вас тоже бесит? : роман / Анатолий Словцов. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 304 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-33554-7

«Вас тоже бесит?» — искрометное, саркастическое драмеди про провинциального стендапера, запутавшегося в своей жизни, но не теряющего надежды покорить Москву и стать знаменитым. Написанный в лучших традициях довлатовской прозы роман вскрывает застарелые болячки миллениалов, да и всего общества, но делает это нежно и с большой иронией.

Илье Румянцеву скоро тридцать. Он живет в безликом городке, затерянном на карте. У него бывшая жена, которую он так и не сделал стервой, и маленький сын, с детской непосредственностью интересующийся у отца, почему тот клоун.

Румянцев не клоун, а стендапер. Профессионально смешит людей, выступая в местном клубе. Порой даже успешно, с аплодисментами.

Но при этом он вязнет в своей жизни как в болоте, мучительно пытаясь выбраться. И когда ему выпадает шанс произвести с большой столичной сцены заветное «Вас тоже бесит?», он не может его упустить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33554-7

© Словцов А., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Оглавление

Часть первая. ЛЕНИНСК	7
Часть вторая. ГУРБИНСК.....	83
Часть третья. ГДЕ-ТО КОГДА-ТО	183

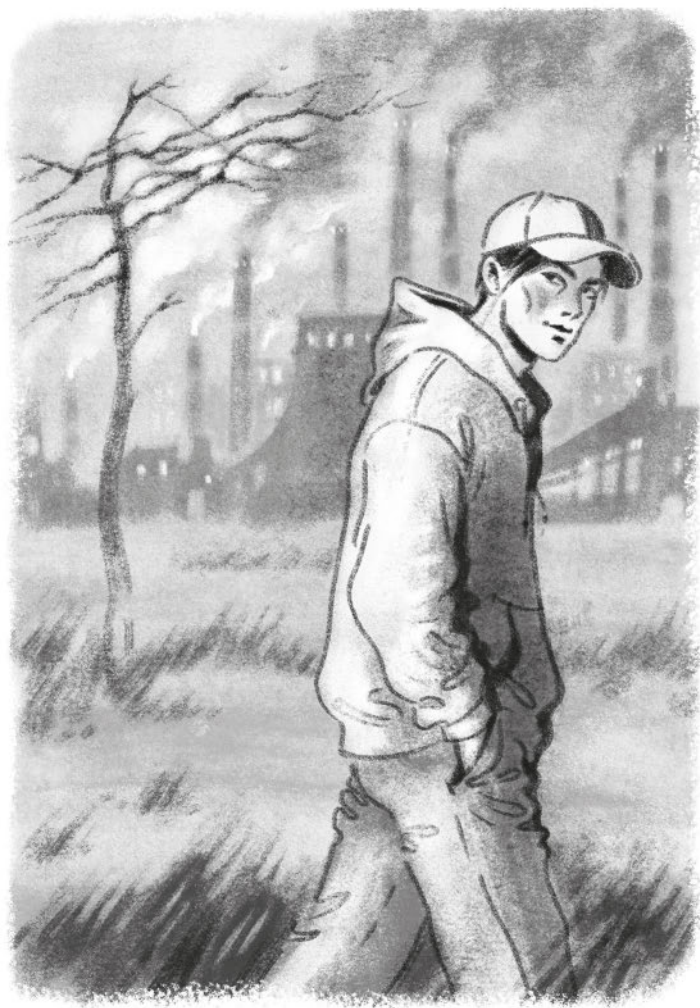
*С огромной, неиссякаемой любовью
посвящаю жене Олесе и сыну Маркуше*

И спросит Бог: «Никем не ставший,
зачем ты жил?»

Игорь Губерман

Все имена и события в книге вымышлены,
любые совпадения с реальными людьми случайны

Часть первая
ЛЕНИНСК

«Содом». Суббота

Прямо и направо.

Через узенький — двоим не разойтись — коридор. Через крохотный, с балкон в хрущевке, офис. Сортирная плитка стен. Мучнистая бумага принтера. На запыленном экране ноутбука кто-то нарисовал член.

Через кухню. Здесь, как всегда, — пышет, шкварчит, булькает. Из антикварной — алло, девяностые? — магнитолы сквозь шип и треск пробивается тонюсенькое: «На заре-е-е...». Здесь всегда играет что-то такое. Девяностое.

Орут. Матерятся. Красивая официантка с длинной шеей — Даша вроде? — роняет на стол поднос. Возмущенно гремят приборы.

— Сучка! — Даша плюет в миску, где плещутся остатки супа. — Шмара драная! Харчо ей, блин, видите ли, неострый! Тебе, может, в тарелку нассать, овца?! Будет поострее!

Чем учтивее официантка в зале, тем похабнее ругается на кухне. Аксиома. Надо бы запомнить. Сгодится для какого-нибудь монолога.

Повар Витя квадратным, с тупыми зубьями молоточком отбивает мясо. Пом! Пом! Пом! Один за другим — оглашает вердикты. Пом! Пом! Пом! Заметил меня. Машет:

— Разаби их!

Витя — кореец. Из-за акцента получается то ли «Разведи!», то ли «Разбуди!».

Складываю большой и указательный пальцы — окей.

Из кухни — в предбанник. Путь к сердцу зрителя лежит через сцену. Путь на саму сцену в «Содо-ме» тернист и труден. Слепленные в противотанкового ежа, свалены стулья: без сидений и спинок, с погнутыми ножками и совсем без ножек. На полу гадюками свернулись бесхозные провода.

Выглядываю из-за траченной молью, в грязных катышках портьеры. По сцене порхает Вася. Каре с челкой. Песочного цвета худы. Белые кроссовки в красную полоску.

— Когда я привожу домой парня, прошу его задернуть шторы и погасить свет. Думаете, потому что я толстая? Нет... — Вася вешает паузу. — Просто тяжело объяснить, откуда у меня на спине татуировка с куполами.

Второй месяц Вася у меня на разогреве. Полное имя — Василина: родители хотели сына. Ам-плау — пышечка с неустроенной личной жизнью. («В моем возрасте непонятно, что труднее: найти мужчину или платье, в которое влезаешь?»)

У Васи скучная — бухгалтер? делопроизводитель? — офисная работка. Двое мелких. Фригидный, как она его называет, муж. («Почему фригид-

ный? Минимум два раза у вас было».) Старшему сыну шесть, и он мочится в постель. У младшего — подозрение на ЗПР. Артур платит Васе что-то символическое. Если вообще — что-то платит... Сюда, говорит Вася, она сбегает от мокрых простыней и больничных листов.

Васю провожают жидкими, как местное пиво, овациями.

Приветственно протягиваю кулак:

— Здорово, братюнь! Отлично выступила!

Она касается моей руки пухлым кулачком. Устало кивает: пасиб.

Точно эстафетную палочку, принимаю у Васи микрофон. Гляжу на часы. Обратный отсчет пошел: сто двадцать... девятнадцать... восемнадцать... Выходить сразу — нельзя. Пусть чуть-чуть подождут. Потомятся.

Закрываю глаза. Сердце колотится где-то в горле. В груди — привычный холодок. Кто говорит, что выступать не страшно, — не верьте. Страшно. Всем. Всегда. И ребенку, что, стоя на табуретке, читает стихотворение про маму. И патлатому вокалисту, что исполняет для ревущего стадиона платиновый хит. Всем. Всегда.

Гримерки в «Содоме» нет. Иногда в крошечном офисе — там, где сортирная плитка, где мучнистая бумага, — я ору. А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а! Иногда — пою. На заре-е-е... голоса-а-а... зову-у-у-т... меня-я-я... Иногда — отжимаюсь. Раз — два. Раз — два. Раз — два.

И только тогда — охрипший, вспотевший — понимаю: готов.

...три... ..два... ..один... Время!
Откидываю портьеру. Выхожу.

— Здорово, народ!

Хлопают сухо и нескладно, словно кто-то лопа-
ет пузырьки упаковочной пленки.

Если Васины аплодисменты — жалкая мило-
стыня, эти — подходящий налог. Но я хочу боль-
шего. Хочу собрать всю дань.

— Дайте шуму! Суббота! Гуляем!

Рукоплескания становятся сочнее, наваристее,
хотя некоторые гости, замечаю, с иронией качают
головами.

— Чего хмурые? — обращаюсь к паре за бли-
жайшим столиком. Он обглаживает куриное кры-
лышко. Она потягивает портер из длинного бока-
ла. — Пиво невкусное? В «Содоме» — и невкусное?
Не верю! Кстати, о хмурых. Знакомый в школьном
сочинении выдал: «Я был счастливый, потому что
нахмуренный». Ну ему сам бог велел. Его даже
звали — Гера...

Хихикают. Разгоняемся.

— Я родом из Сектора Газа. Есть такие, кто
тоже там вырос? Поднимите руки. Ты, шестипа-
лый, мог не поднимать. Кстати, тонированный таз
у входа, часом, не твой? Так и думал. Слышь, от-
гони по-братски, а? Нет, не загораживает. Просто
труп из багажника больно палевно торчит. Видали
как припустил?! Эй, брат! Стой! Да пошутил я! По-
шутил! Не торчит уже — я багажник захлопнул...
Так, ладно. А есть те, кто не знает, что за Сектор
Газа? Серьезно? Не местные, что ли? Из Ивано-
во? Простите, ребзя, Иваново не зашло. Невесту

не нашел. Только герпес. Ну и как вам Ленинск? Скажите, супер? О, это фиолетовое небо! О, этот черный снег! Знаете, что сказал классик, проезжая через Ленинск? «И дым Отечества нам сладок и приятен!» Короче, ликбез специально для гостей из солнечного Иванова. Сектор Газа — это район, где, когда закуливаешь, легкие говорят тебе: «Спасибо!» А кому нужно сказать спасибо за спасибо? Давайте хором! Спа! Си! Бо! Те! Бе! Ле! Нин! Ский! Ме! Тал! Лур! Ги! Чес! Кий! За! Вод!

— От Москвы до Монреаля лучше нету Ленинскстали! — принимается скандировать лысый боров в джинсовой жилетке.

— На заводе трудитесь? — подхожу к нему.

— Начальник цеха! Двадцать лет — через одну проходную!

— А знаете, что у вас общего с вашим заводом?

— Н-ну? — настораживается джинсовый.

— В вас тоже побывала куча мужиков.

Заводчанин багровеет. Воинственно хватает кружку.

Невольно съеживаюсь. А ну как — ударит?!

Судорожно нашариваю взглядом Антошу, местного вышибалу. Тот, как всегда, скучает у барной стойки. Вид имеет самый миролюбивый. Глазки налакавшегося валерьянки кота. Сытая ухмылка. Внушительное пузцо. Не поверишь, что этот котяра может три раза подтянуть тучное тело к перекладине. Одной рукой.

На мой встревоженный взгляд Антоша отвечает своим, карлсоновским: спокойствие! только спокойствие!

Соседние столики, точно жеваной бумагой, оплеывают борова насмешками. Он извивается, багровеет еще гуще — и, подобострастно хихикая, мелко грозит пальцем. Того и гляди, падет на колени и примется отбивать земные поклоны. Прости, народ православный! Прости мя грешного! Не по своей воле! Служба все! Она окающая!

Выдыхаю. Кажется, пронесло...

...В меня швыряли тарелки и пивные кружки. Кидались с кулаками на сцену. Тут уже вмешивался Антоша. В такие вечера я от греха выскальзывал из «Содома» через служебный. Вызывал такси и нырял на заднее. Помогало не всегда. Трижды меня подстерегали у подъезда. Один раз — отбил. Еще в двух случаях повезло меньше...

Однако продолжим.

— Во всем мире пить разрешают с восемнадцати. В Секторе Газа в восемнадцать пить завязывают. Какие варианты отдохнуть есть в Секторе Газа? Побухать в падике. Побухать за гаражами. Завалиться к кому-нибудь на хату — и побухать. Не бухать — и выхватить и от тех, кто бухает. И тут — он! Клуб! Как в американском кино: ночной и с телками! Народ с ума посходил. Раньше из клубов был только — юных техников. А из телок — только черно-пестрые голштинки. Еще и название такое — «Ртуть». Объясню, чтоб вы понимали, как в Секторе Газа у людей с фантазией. У меня на районе — бар. Называется — «Закусон и выпивон». У половины собак во дворе кличка — Собака. Проще надо быть, проще... Как корабль назовешь... Не судьба. Назвали бы

«Ртуть» — «Бабы и бухло», — было бы счастье. А так... Я долго думал: «Почему “Ртуть”?» В химии не силен. Не химик — ботаник: травку люблю. А тут узнал, что ртуть не вступает в реакцию с кислотами. Видимо, это был сигнал товарищам полицейским. Как в том «Ералаше»: «Здесь рыбы нет!» Кислоты в «Ртути» и правда не водилось. Зато среди зала кадку с пальмой поставили. Чтобы гости отдыхали под кокосом. То ли дело «Содом»! Целый соляной столп! Ну мы тоже хороши. Сидим тут, содомиты, и чужие названия критикуем. Кстати, знаете последний анекдот про «Содом»? «Был вчера в “Содоме”. — И как? — Огонь!»

Реагируют вяло. Не поняли? Надо что-нибудь попроще. Позабористей.

Бросаю вдогонку:

— Слышал, в «Содом» пускают только через задний. И только мужчин с бородой. Говорю же, клуб назвали «Ртутью», чтобы полицейских отвлечь. Не помогло. Начальник полиции даже предлагал перенести отдел в то же здание, где была «Ртуть». Так сказать, под одну крышу. В зале есть незамужние девушки? Милые, разочарую — я занят. Но мой вам совет: выходите за полицейских. Они примут вас с любым весом. Когда в Секторе Газа открылась «Ртуть», закрылись три притона и два борделя. Не выдержали конкуренции. Опустели секции бокса и пулевой стрельбы. Зачем жалкие подобию, когда рядом — неповторимый оригинал? Один знакомый половину заработанных денег спускал в «Ртути». Вторую тратил на венерологов и зубных врачей. И вот я. Двадцать

лет. Только вернулся из армии. Ни опыта, ни образования. Жена. Ребенок. Увидел объявление: «Требуется официанты. Выплаты и чаевые каждый день!» Странно, конечно, сулить чаевые в месте, где никто не пьет чай... Честно говоря, даже не задумался, почему платят за каждый день. Оказалось, потому что официанты в «Ртути» — как солдаты на передовой: живут ровно день. Потом или убегают в слезах, или уезжают в травматологию. Короче, устроился. Официанты в «Ртути» должны были носить фартуки. Длинные. В пол. На спине — сложная система завязок. Первый узелок — между лопаток. Второй — посередине. Третий — на поясе. Главная проблема — как в таком фартуке справлять нужду? Тут я понял, что делает мужика мужиком. Не член. Не физическая сила. А вот эта вот великая возможность — писать стоя. И как прикажете делать дела? Два варианта: либо сидя, либо фартук снимать. Но снимать неудобно. Если снимешь, сам обратно завязать уже не сможешь. В общем, приходилось сидеть. И вот сижу я на унитазах. Дверцы у кабинки нет. У писсуаров стоят мужички. Врывается здоровенный амбал. Кажется, под чем-то. Орет: «Кто из вас, суки, Ленку трахал?!» И начинает направо и налево всех раскидывать. Как кегли. Бам! Кладет мужика у первого писсуара. Бам! Мужика у второго. Бам! Мужика у третьего. И тут понимаю, что я следующий на очереди. Амбал смотрит на меня. Сказать, что перед глазами жизнь пронеслась, — ничего не сказать. Я на унитазах. В фартуке. Передо мной громила,

который только что вынес троих. Тяжело дышит: «Уф! Уф! Уф!» Отдышался и спрашивает: «Ссышь?» Даже непонятно, в чем вопрос. Что делаю или как себя чувствую? В обоих случаях ответ — положительный. «С-с-су...», — говорю. «А че сидя? Ты че — из этих?» — «И-и-из эт-тих...» — «Значит, не ты Ленку трахал... Живи пока». Уходит. Залетают вышибалы. Видят меня — и три бездыханных тела. Один недоверчиво спрашивает: «Это ты их?» Развожу руками: «Они не оставили на чай...» Так вот, дорогие друзья! Оставляйте персоналу на чай! Оставляйте персоналу на чай!

Этимися словами я завершаю каждое выступление. Делаю легкий полупоклон.

И мне аплодируют, аплодируют, аплодируют.

Где-то. Когда-то

Ленинск — город унизительно заурядный. Ну чего вы там не видели?

Магазина «Тысяча мелочей», что по старой памяти зовут универсамом? Фонтана? Давно пересохшего: к облицованному бирюзовой плиткой дну пристала сиротливая, грязно-ржавая по гурту монетка. Ресторана, встречающего гостей замечательно лаконичной вывеской «Север»? Бордовые гардины. Потертое сукно бильярдных столов. Селедка с луком и водка.

Ленинск — город, точно сабельным ударом рассеченный надвое мелкой — по шею в самом

глубоком месте — речкой. В отличие от Москвы, что громадной улиткой свернулась на семи холмах, или параллельно-перпендикулярного Петербурга Ленинск походит скорее на сазана, которого кухарка ножом подцепила в мягкое подбрюшье и располовинила вдоль хребта.

Рассказывают, был он когда-то не Ленинск, а носил крылато-возвышенное, выбранное по святам имя. Нарышкин? Барышев? И жили в нем какие-то другие люди. Каких больше не делают. Трепали за вихры крепостных Ивашек и Матрен. Плясали полонезы и мазурки. Говели и христосовались. И говорили, говорили, говорили... От рассвета до сумерек. О чем же?

Говорили, что Костинька Овчаров, этот уездный Lovelace, наконец женился — на Катиш Завацкой, которая, вы помните, топ соеуг, была прелестным ребенком и уже в детстве обещала вырасти невиданной красавицей, взял за нею триста душ приданого и увез к себе в Хорошевку.

Что князь Григорий Алексеевич пустил имение с молотка и, подобно Чайлд-Гарольду, отправился в Грецию — помогать Ипсиланти в борьбе против Оттоманской Порты.

Что Сашенька Полторацкая в тягости и, по всем приметам, на Ермолаев день разрешится мальчиком.

Что cousin Софи Кагарлицкой Мишель, бретер и повеса, воевал на Кавказе под началом генерала Галафеева и сделался совершеннейший черкес: носит бешмет и папаху, выучился пить кахетинское и, сказывают, едва не обручился с горянкою.

Что у Ртищевых подают отменные пироги с ви-
зигой и брусничную настойку.

Что не находите ли вы, любезная Лизавета Ан-
дреевна, будто задняя рессора брички чуть поскри-
пывает? Коли так, накажите Агафьюшке кликнуть
из деревни Архипа, кузнеца, — пушай починит,
а ежели надобно — и новую справит.

Что в Мусатово утонула дворовая девка.

Что государь даровал мужику волю, а мужик,
батюшка Петр Степанович, есть существо темное
и глупое, истинно говорю, глупое и мало отличен
от твари бессловесной. *Sermo datur cunctis*, заве-
щали латиняне, но *animi sapientia paucis!*¹

Что коллежский асессор Шаров сватался
к младшей дочери князя Саженцева, получил от-
каз и с той поры пьет горькую.

Что граф Чигир вышел из гвардии в чине
ротмистра, уехал в Североамериканские Штаты
и живет полнейшим Рокамболом.

Что гимназистов Захарова и Свиридова видели
в доме терпимости. *Quel scandale!*²

Что православное воинство должно защитить
братьев-христиан Сербии и Черногории, но Кон-
стантинополю благоволит Дизраэли. Ох, не слу-
чилось бы повторения Крымской оказии!

Что с тетушкой Натальей Кирилловной апо-
плексический удар, плоха она, совсем плоха, на-
медни причастилась и, того и гляди, отдаст Богу
душу.

---

¹ Дар речи дан всем, душевная мудрость — немногим (*лат.*).

² Какой скандал! (*Фр.*)

Что в Бакурково страшный недород, коровы приносят черное молоко, и старухи судачат: грядет конец времен, конец времен, конец времен...

Что бомбисты из «Народной воли» покушались на Его Величество. Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят!

Что Митенька Райц (Митенька! тот самый Митенька! наш прелестный шалопай!) впал в толстовство, разорвал помолвку с Долли Ятвицкой (la pauvre enfant!¹) и вернулся из Петербурга в родное Капутино: пашет землю наравне с мужиками и учит крестьянских детей.

Что надобно трудиться, трудиться и трудиться, ибо труд, один лишь труд — единственная цель и благо в жизни.

Что в синематографе крутят новую фильму по повести Александра Сергеевича Пушкина с Иваном Ильичом Можухиным в роли Чардынина.

И говорили они, говорили, говорили...

А потом наступили большевики. В скрипучих кожанках и хромовых сапогах. С ромбами в петлицах и маузерами в кобурах. На изрыгающих железный пар бронепоездах. Раскулачили. Расстреляли. Уплотнили и переименовали. И города того — Нарышкина? Барышева? — не стало. Погрузился на дно, точно сказочный Китеж? Вознесся в Эмпирей? А на месте его, будто мышь среди нечистого белья, закопошился вечно хворый, харкающий то желчью, то кровью Ленинск. Как

---

¹ Бедное дитя! (Фр.)

если бы урожденный Ардалион променял ангела-хранителя на бесцветного Сергея.

На нижнем берегу речки, где раньше ворочалось сонное, с мухами и огородами сельцо, большевики со всей мощью красной машинерии развернули стройку. И закипело! Забурлило! Рокот и рев. Грохот и гам. Свист и смех. Первые котлованы. Первые ростки арматурного бамбука. Первые трубы. Трубы. Трубы. Трубы. Атланты, подпирающие небесный свод? Клыки, что кусают бедро богини Нут? Не только вертикальные, нет. Они оплетали заводские корпуса. Тянулись вдоль дорог. Вдоль бесконечных бетонных заборов. Будто древний морской гад когда-то выбрался на сушу и сбросил серую, с серебристым отливом чешую.

И вот уже от сельца не сохранилось и следа. И поднялся Завод. И затмил чахлое северное солнце. И покрыл окрестности, как племенной бык покрывает телку. Осеменил общежитиями, столовыми, ПТУ. Каждое утро Завод поглощал людей, переваривал их в огненном своем чреве и давал металл. *«Пятилетку — в четыре года!»* И после смены люди — сгорбленные, кривоватые, сухоногие, сухорукие — разбредались по своим панелькам, похожим на хлебные буханки. *«Жить стало лучше!»* И набивались в свои квартирки, тесные, как пчелиные соты. *«Жить стало веселее!»* И так, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год избывали свой скудный на радости век. И наблюдали, наблюдали, наблюдали. Черный снег — зимой. Фиолетовое небо — летом.

И место это нарекли Сектором Газа задолго до того, как Юра Хой исповедался, что ему тридцать лет, что пора домой и что непрост, ох, как непрост путь через туман. И знаменитый режиссер, отец всенародного брата, приехал сюда снимать самый мрачный, самый свинцовый свой фильм: о женихе с того света да о России — девке, которую все неволят и насилуют.

Однажды здесь родился — я.

«Содом». Воскресенье

Городом в Ленинске зовут только ту часть, где нет Завода. Завода нет, зато есть кафе, кинотеатры, клубы. В Секторе Газа деньги зарабатывают. В Городе — тратят.

Названия районов Города напоминают о временах, когда не было не то что Ленинска, но и его предшественника (Барышева? Нарышкина?), а были лишь наполозавшие одна на другую деревеньки: Будилово, Скудельное, Родники — скроенные воедино велением местного князька, обнесенные крепостной стеной и окопанные рвом.

Самое странное название — у района, что вальжно, с барственной наглечой, растянулся вдоль речного берега: Заячий Горб. Горб? Еще и Заячий? Почему? Откуда? Большинство людей и обычно-го-то зайца в глаза не видели, а тут — с горбом...

Заячий Горб — подходящая декорация для съемок есенинской Рязани или чеховского Таган-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Словцов Анатолий
ВАС ТОЖЕ БЕСИТ?

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Т. Агеева*
Художественный редактор *М. Кустовская*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректоры *О. Гуменникова, Л. Петрова*
Верстка *К. Иванов*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 3000 экз. T-RPI-42927-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

